

Сатанар М. Т. Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) / М. Т. Сатанар // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 302—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319.

Satanar, M. T. (2020). Explication of Some Codes of the Yakut Epos Olonkho Mythological System (Folklore Time and Space). *Nauchnyi dialog*, 6: 302-319. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319. (In Russ.).

УДК 398.22(=512.157)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-302-319

ЭКСПЛИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ КОДОВ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯКУТСКОГО ЭПОСА ОЛОНХО (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ФОЛЬКЛОРНОМ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ)¹

© Сатанар Марианна Тимофеевна (2020), orcid.org/0000-0002-3546-7343, научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательский институт Олонхо, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия), satanar68@mail.ru.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью семиотики якутского эпоса олонхо, с другой — необходимостью реализации новой парадигмы современной науки, предполагающей конвергенцию научных знаний. Отмечается, что основополагающими категориями в мировоззрении являются модусы пространства и времени, в сумме выводящие к другому модусу бытия — хронотопу. Предметом настоящей статьи являются коды космологической мифологии в текстах эпоса олонхо в ракурсе своеобразной пространственно-временной организации эпического мира олонхо. Цель исследования состоит в декодировании элементов мифологии, в результате которого обнаруживаются «сжатые» сообщения о научных знаниях, которые свидетельствуют о существовании единого источника типологии культуры. Особое внимание уделяется многообразию кодов, правилам их появления, учету национальных особенностей языка и мышления. В работе используется системный подход к предмету исследования, структурно-семиотический анализ, методы обзора и описания. Новизна исследования видится в попытке частичного решения проблемы разобщенности двух видов культур (фольклор и фундаментальные законы природы) в контексте общей типологии культуры. Настоящее исследование обозначает перспективы дальнейшего рассмотрения и дефиниции элементов своеобразной символически-семиотической системы пространственно-временной организации в текстах якутского эпоса олонхо.

Ключевые слова: олонхо; код; оппозиция; эпическое время; эпическое пространство; Верхний мир; Средний мир; Нижний мир; семантика.

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

1. Введение

В настоящее время в современных исследованиях якутского эпоса олонхо наименее изученной областью остаются его исследования как семиотической системы. Между тем своеобразный калейдоскоп знаков, образующих семиосферу устойчивой мифологической канвы олонхо, — это тема, которая актуальна в области сравнений со знаковыми системами естественных наук для выявления общекультурных универсалий. На уровне более глубоких пластов мифа в результате пристального рассмотрения обнаруживаются внутренние смыслы, отражающие научные знания, способные вывести к единой общенаучной картине мира. И, как можно судить по высказыванию В. В. Иванова, знания точных наук сокрыты в мифах, которые появляются из «кирпичиков» мироздания, обозначенных символами [цит. по: Королев, 2005, с. 10]. При декодировании элементов мифологических представлений, вкрапленных в текст олонхо, необходимо учитывать отличие эмпирического знания от мифологических представлений: в фольклорном тексте законы природы заменяются мифологическими образами, иерархическая организация причин и следствий заменяется иерархией божеств [Мелетинский, 1976, с. 165]. Существенно то, что архаическим сознанием мир упорядочивается путем перекодировки природных объектов и явлений на другой язык — символический [Топоров, 2010, с. 412], оперирующий по принципу «логики первобытного мышления», восходящего к «пространственному механизму симметрии-асимметрии» [Лотман, 1996, с. 444]. По К. Леви-Строссу, важным моментом в структурном анализе мифологических представлений является дефиниция кодов, задающихся «противопоставлением оппозиций», между тем, как правило, основные коды связаны с пятью органами чувств, поэтому одно сообщение одновременно может кодироваться несколькими способами. В любом повествовании имеются переплетения всевозможных кодов, постоянно «перебивающих» друг друга [Барт, 1989, с. 40; Леви-Стросс, 2010, с. 38]. Итак, настоящее исследование направлено на обнажение «сочетаний» кодов, за которыми обнаруживаются «чистые» смысловые структуры, воплощающие собой научные знания, в контексте эпического времени и пространства.

В разворачивании эпической картины мира ключевым понятием является хронотоп — взаимная связь между отношениями пространства и времени (М. М. Бахтин), содержательная глубина которой задается пластами и сознательного, и бессознательного. Пространство и время являются общекультурными базовыми модусами, посредством восприятия которых строится мировоззрение вообще. Хронотоп обладает огромными возможностями, выводя исследователя за пределы эпического мира олон-

хо, коррелируя с объективным физическим пространством-временем, а также с субъективным пространственно-временным сознанием. При этом каждый образ, мотив или сюжет структуры эпоса олонхо охвачен хроно-топом, определяющим целостность и единство эпического мира. Вслед за М. М. Бахтиным идея хронотопа как акта художественного миромоделирования развивается в трудах представителей московской семиотической школы [Гацак, 1989; Иванов и др., 1975; Лотман, 1996; Топоров, 2010; Успенский, 1982]. Осмысление различных аспектов пространственно-временных отношений имеется и в трудах якутских исследователей [Колодезников, 1991; Габышева, 2009; Семенова, 2006; Кожевников, 2019].

2. Коды эпического времени первотворения

По традиции с первых строк эпических повествований в олонхо имплицитно используется понятие «в начале времени», — та самая исходная временная точка, исходное состояние мира, когда еще ничего не было сотворено: *Былыргы дьыл быдан мындаатыгар, / Урукку дьыл кулан уорбатыгар, / Түөрт саха төрүү илигинэ, / Үс саха үөскүү илигинэ* [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 8] (На далекой вершине давних лет, / На отдаленном хребте минувших лет, / Когда четыре якута еще не родились, / Три якута еще не появились на свет [Там же, с. 286]). Здесь фрагмент текста представляет собой устоявшуюся формулу традиционного зачина олонхо, оформленную при помощи трех кодов — передачи (передающий сообщение о времени, по У. Эко), числового, антропоморфного. Код передачи задается оппозициями «мифическое время / историческое время», «сакральное время / профанное время», проводящими разделительную линию между их отношениями. Упорядоченное, логическое начало разворачивания картины мира олонхо начинается с этой временной точки. Привязанный к временному коду антропоморфный код *үс саха, түөрт саха* «три якута, четыре якута», переплетенный с числовым кодом, представляет собой более глубокий семиотический уровень, который был предметом исследования автора [Сатанар, 2019, с. 134—148]. В мифопоэтическом сознании семантика эпических числительных *үс* (три) и *түөрт* (четыре) задается дуализмом «мужской / женский», выступающим как доминантная «свернутая серия» многих частных оппозиций (нечета / чета, светлого / темного, твердого / мягкого и т. д.) [Иванов и др., 1965, с. 178].

Однако сложной семантикой отличается концепт САХА, кодирующий важное сообщение о человеческой природе, формируемое посредством противопоставлений «человек / животное», «человек / растение», восходящих к оппозиции «культурное / природное». Вербальный компонент

антропоморфного кода «сах» предстает как *санаалаах харамай* (мыслящее живое существо). Такое позиционирование свидетельствует о главной особенности мифологического мышления — умении находить сходные и различные качества путем сравнения себя с животными, насекомыми, растениями [Топоров, 2010, с. 22; Чанышев, 1970, с. 47].

Но в наличии исходного начального времени и исходного состояния космоса сокрыт еще не менее важный смысл — предположение о существовании энергетической, притом разумной силы, дающей импульс динамизации Вселенского пространства. Архаичное сознание предков саха признает эту силу как извечно наличествующую всеобщую заданность. Взывание к бытию означало акт творения — явление, которое манифестируется во всех жанрах фольклора в различных вариативных трактовках: *Субу аарыгыран-айгыстан турар / Абыс иллээх-сабалаах, / Атааннаах-мөнгүүннээх, / Айгыр-силлик бэйэлээх / Аан ийэ дойду / Ананан айыллыбыта эбитэ үһү ...* [Ядрихинский, 2011, с. 5] (Эта важная-прославленная, / Восьмикраяняя, восьмигранная, / Со спорами-раздорами, / Красивая-нарядная, / Изначальная мать-земля / Назначена-сотворена была, говорят... [Там же, с. 6]). Такое позиционирование отсылает к прецеденту (идее божественного начала), каждый раз актуализируя символический код бессознательного (У. Эко).

Приведенные примеры демонстрируют, что архаическое сознание не стремится к детализации эпического пространства эпохи первотворения. Основываясь на положениях о «соотнесении природных феноменов с мифом» [Мелетинский, 1976, с. 225], об «отражении природных закономерностей первичной природы в отношениях-оппозициях вторичной природы (пространства культуры)» [Лютман, 1996, с. 444], о глубинных параллелях между мифологическими воззрениями и естественнонаучными знаниями [Максименко, 2010; Михалевская, 2015; Надель-Червиньска, 2009; Тычкин, 2012 и др.], можно предположить, что в эпическом времени первотворения наблюдается логика, аналогичная второму закону термодинамики, выражающему необратимость природных процессов. Во временной проекции этот закон постулирует неминуемый конец системы, а значит, и существование начала. В свое время В. В. Иванов и В. Н. Топоров, говоря о трансформации мифа, проводили, например, мысль о том, что для семиотических систем характерна направленность во времени и необратимость в логике этого же закона: «Поскольку исходный текст является существенно более избыточным, чем его трансформы, последние дают основание для реконструкции некоторых его сторон, но в то же время эта реконструкция не может быть полной (что противоречило бы принципу необратимости времени)» [Иванов и др., 1975, с. 74].

В олонхо установку на присутствие творящего начала поддерживают и дальнейшее развитие сюжетной структуры — описание возникновения мироздания: *Субу абыс хаттыгастаах / Арабас манган халлаан / Аан бастаан айыллытыгар / Тарабай таба / Кулгаабын чэчээтин саба эрдэбиттэн / Тарбанан тараадыян, / Кинтэйэн киэбирэн / Томтоһуя туоллан үөскээбит ...* [Ядрихинский, 2011, с. 6] (Когда это восьмьярусное / Желто-белое небо / Еще только создавалось, / Уха оленя лысого / С обрезок чэчээ было, / Бесконечно расстилаясь, / Безмерно возгордясь, / Расширяться оно стало ... [Там же, с. 7]). Наблюдаемое в данном отрывке указание на расширение, увеличение пространства, соответственно, и качественное изменение пространственно-временного континуума оформляется бинарными оппозициями «покой / движение», «тьма / свет», «точка / расширение», «пустота / вещество», «хаос / космос».

Древний человек соперживает кому- / чему-то и воспринимает мир путем использования всех рецептивных систем, поэтому одна информация кодируется различно посредством возможностей зрения, слуха, обоняния и т. д. Применительно к присутствующему в приведенном фрагменте уподоблению появляющегося мира «чутким ушам годовалого оленя» или к метафоре «небо с размером в пуповину» показательное исследование А. А. Бурыкина [Бурыкин, 2017, с. 20—21]. А. И. Гоголев говорит о рождении трех миров из единого начального состояния хаоса, вследствие чего они обречены на взаимосвязанность [Гоголев, 2002, с. 29], при этом мир до акта божественного творения представляется миром темноты и деструктивных сил хаоса [Гоголев, 1994, с. 3].

В вышеприведенном отрывке эпического повествования также можно усмотреть параллели с концепцией возникновения Вселенной — моделью Большого Взрыва, реконструирующей процесс расширения пространства от единственной точки (закон Хаббла).

Время первотворения в якутском олонхо представляется как эпоха разразившейся жестокой войны между созидающими и разрушающими космическими началами. Сокрушительное сражение было продолжительным: *Быстан биэрбэт үөстээхтэр, / Бытарыйан түспэт эттээхтэр, / Тохтубат хааннаахтар, / Тохуттубат унуохтаахтар, / Өспөт тыыннаахтар, / Өлбөт бэйлээхтэр - / Үөрбэнэн-үгүүнэн / Өтөрүтэ түсүһэн / Өлөрсө сатаатылар...* [Ойунский, 2003, с. 17] (С боевыми жилами — что не порвешь, / с кровью, что не прольешь, / С телами — что сталью пронзить нельзя, / С костями — что сокрушить нельзя, / Дыханьем могучим наделены, / Бессмертьем одарены, / Они — сто веков сраженья вели, / Одолеть друг друга не могли ... [Ойунский, 1975, с. 11]). В описании наличествует

анатомический код, указывающий на отличительные физические качества воюющих небожителей, представленные посредством противопоставлений «текучая кровь / кровь, которую нельзя пролить», «пронзаемое тело / непробиваемое тело» и т. д., восходящих к оппозиции «смертный / бессмертный». Факт «бессмертного состояния» передает сообщение о существовании другого времени, соответственно, и космического пространства во Вселенских просторах. При этом индикатором выступает категория «продолжительность жизни».

В олонхо изображается изменение мира от разрушительных потрясений, содроганий и движений материи: *Орто туруу дойду / Умса холоруктаан, / Кута курдук долгуйда ... / Алдьархайдаах аллараа дойду / Атыйахтаах уу курдук айманан, / Түгнэри холоруктаан / Түөрт өттүтэн / Күөх дьэбидик уоттар / Көбөрө сырсаннар — / Түөрт түптүр үтүгэнинэн / Түгэхтэммитэ эбитэ үһү... / Тохсус добун маган халлаан / Тордуйалаах уу курдук долгуйан, / Тингилэх кэтэбин курдук / Тиэрэ ханарыйан тахсан — / Соххор холорук дугуйдаммыт / Содуомнаах собуруу халлаан диэн / Үлүскэннээх үрүттэммитэ үһү ...* [Ойунский, 2003, с. 17] (Средний серопятнистый мир, / Завихриваясь в круженье своем, / Как трясина, зыбиться стал ... / Бедственный преисподний мир, / Расплескиваясь, как лохань, / Против движения средней земли / Полетел, закружился, гудя, / Охваченный с четырех сторон / Багрово-синим огнем. / Оттого у него с четырех сторон / Выросли, поднялись / Четыре препоны — стены ... / Девятое белое небо, / Расплескиваясь, как вода / В лукошке берестяном, / Обратное движению своему / Выгибаясь, как пятки задок, / От мчащейся ледяной шуги / Южным небом, где тучи клубятся / Заслонилося, словно щитом ... [Ойунский, 1975, с. 11]).

В данном отрывке олонхо текстовой константой предстает динамический процесс, переданный разнообразными средствами выражения характера вращательных движений в одну и в другую стороны, которые усиливаются посредством числового (три компонента), цветового и звукового кодов. Доминирующим кодом, на который ориентирован процесс космогенеза, предстает четвертый код — космологический, описывающий последовательное появление в Нижнем мире «перевернувшейся и образовавшейся страны северного полюса», а далее и «перевернувшейся и образовавшейся страны южного полюса», представляющих в олонхо Верхним и Нижним мирами злых сил *абаасы*. Таким способом постепенно вырисовывается горизонтальная система координат мира.

Извечная огненная схватка могла окончательно разрушить Вселенную, и поэтому: *Өспөт тыыннаахтар, / Өлбөт бэйэлээхтэр — / “Эрэй элбии*

илигинэ, / Эт-тирии бүтүн эрдэбинэ / Эйэнэн кэпсэтиэххэ, Сүүспутун аалсыахха, / Сүбэлэһэн көрүүххэ... / Тугу мээне охсуһабыт?! / Тупсуута тэрийиэххэ” дэһэн. / Кэпсэтэр кизби ыллылар ... [Ойунский, 2003, с. 18] (Бессмертьем одаренные — / “Покамест беды не возросли, / Покамест не треснули кости у нас, / Попробуем — миром поговорим, / Потремся лоб о лоб, / Добром посоветуемся обо всем! / К чему вслепую биться нам? / Не лучше ли помириться нам?” — / Понемногу речь повели [Ойунский, 1975, с. 11]) — сражение прекращают заключением мирного соглашения воюющих сторон *киэн халлаан улуу уот дьүүлүнэн* (широких небес великим огненным судом), распределяя Вселенную между собой на три части — Верхний, Средний, Нижний миры по вертикальной системе координат мира. Этот космологический код оформляется двоичными противопоставлениями «Средний мир / Верхний мир», «Средний мир / Нижний мир», «верх / низ», «надприродное / природное». На уровне семантики иллюстрация в олонхо «обоюдного согласия сторон» означает установку фундаментального динамического равновесия противопоставлений «хаос / порядок», «зло / добро», «небесное / земное», «космическое / природное». В этом смысле В. С. Данилова и Н. Н. Кожевников справедливо указывают, что самым плодотворным способом формирования кода служит именно «система координат мироздания на основе динамических равновесий» [Данилова и др., 2019, с. 127]. В современной науке динамическим равновесием противоборствующих сил объясняется суть научных моделей и в области мира макрообъектов, и в области мира микрочастиц.

С рассмотренного качественного разделения мироздания на три части начинается отсчет времени, соответственно, и освоение эпического пространства посредством перемещения героя-богатыря [Пропп, 1998, с. 152].

3. Коды в описании трех миров якутского олонхо

В текстах якутского олонхо в описании расположения Среднего мира имеется фрагмент: *Дьулусханнаах дьулуо манан халлаан / Дьураатыттан тутуллубута биллибэт, / Ус күүгэйэр күлүм күлүүһүттэн / Уктэллэнэн үөскээбитэ көстүбэт, / Үлүгэрдээх үс ньүкэн үтүгэн / Үлүскэннээх үрүт өттүнэн / Көй сата салгынынан көтөбүллэн / Көтөр кыната көтүтэрэ көстүбэт, / Эргитэр иэччэбэ эргитэрэ биллибэт ... / Баттаатахха маталдьыйбат / Баарабай таһаалаах, Уктээтэххэ өбүлдүйбэт / Үрдүк мындааалаах, / Кэбиэлээтэххэ кэйбэлдьыйбэт / Кэтит кизиллээх ...* [Ойунский, 2003, с. 11—12] (Прикреплена ли она к полосе / Стремительно гладких, белых небес — / Это неведомо нам; / Иль на плавно вертящихся в высоте / Трех небесных ключах / Держится нерушимо она — / Это еще

неизвестно нам; / Иль над гибельной бездной глухой / Летает на крыльях она — / Это не видно нам; / Или кружится на вертлюге своем / Этого не разгадать ... / С такой твердынею под пятой, / Нажимай — не колыхнется она! / С такой высоченной хребтиной крутой, / Наступай — не прогнется она! / С широченной основой такой, / Ударяй — не шатнется она! [Ойунский, 1975, с. 7—8]). В данном примере налицо «нанизывание» ключевых кодов, дешифровка которых приводит к уточнению организации содержания отрывка и в смысловом, и в структурном аспектах. Заметим, что в вышеизложенном переводе В. Державина пропущен числовой код, наличествующий в словосочетании *үлүгэрдээх үс ньүкэн утүгэн* (предложен упрощенный вариант перевода: «гибельной бездны глухой»), полный перевод которого представлен на 110-й странице: «трех хохочущих пропастей» [Там же, с. 110]. Посредством образов, релевантных для мифопоэтического сознания, эксплицируются параметры размера и плотности материи. Таковы обозначения высоты («высоченный хребет»), ширины («широченная основа»), твердости («твердыня под пятой»), к которым в якутском варианте текста примыкает прилагательное *баарабай* («огромный»). Имплицирован космологический код, который является доминирующим, заданный противопоставлениями «верх / низ». Качественное содержание этого доминантного синтетического кода раскрывается при экспликации частных кодов, составляющих его. Поэтому обратимся к текстам, где более подробно описываются важные характеристики трех эпических миров олонхо, в которых сквозной центральной идеей предстает тема вращения.

Так, известно, что эпический мир олонхо структурирует священная вертикаль — образ Мирового древа: *Үлүскэннээх үөһээ дойдуга / Үтүөхтээн көрбөккө эрэбин, / Таннары үүнэммин ..., / Икки атахтаахха ... / Ийиэхситин эргитэ турар / Ийэ мас буолан / Иитиллэн көрүүм диэн, / Алдьархайдаах аллараа дойдуга / Абыс уон абыс бадахпынан / Арбыян көрбөккө эрэбин, / Өрө үүнэммин ..., / Ураанхай сахаба айыһытын / Айхаллата турар / Аар-дууп мас буолуум — диэн, / Үрдүк халлаан үтүүлээх үрүт өттүнэн / Таннары намыллан түспүт эбит, / Алдьархайдаах аллараа дойду / Ардахтаах айабын үрдүнэн / Хайыһар мас кишин курдук / Ханарыйа үүнэн тахсыбыт эбит ...* [Ойунский, 2003, с. 66—67] (Если б я до неба дорасти б могла, / Поднялись бы верхние ветви мои / Выше стремительных белых небес, ... / Но не проникая верхушками / За край ненасытных небес / Для двуногого вращаю его Ийиэхсит. / Если бы восемьдесят восемь моих / Могучих толстых корней / Прямо вниз росли, ... / Но не прорастая в Нижний мир, / Распластываюсь в толще земли / Для саха урангхай прославляю его Айысыт — сказав, / Верхние ветки его дойдя до потолка /

Высоких светлых небес / Загнулись обратно вниз, / Нижние толстые корни его / Дойдя до дождливой пасти / Гибельного Нижнего мира / Загнулись обратно вверх ... [Ойунский, 1975, с. 50]). В этом фрагменте наличествуют фитонимический (название дерева) и семический код (поведение персонажа «дерево»), цветовой и числовой коды, геономический код. Эпическое числительное восемьдесят восемь функционально используется для усиления впечатления о мощи Мирового дерева и вместе с тем носит и сакральный смысл, восходящий к древним представлениям азиатов о восьми горизонтальных направлениях света [Избекова, 2014, с. 77]. Геономический код задается оппозициями «верхние ветки / нижние корни», отсылающими к научной декодировке, установленной А. С. Поповой: движения верхних и нижних частей дерева отражают геомагнитное поле планеты Земля, а мифологический образ Мирового дерева воплощает собой ось вращения планеты вокруг своей оси [Попова, 1996, с. 38].

Разнообразие кодов можно видеть в описании Верхнего мира: *Күнүхэ биллибэтэх, / Күнэ көстүбэтэх, / Түүнүнэн түбүлээбит...*, / *Кыһынынан кыскайбыт, / Кырымах хаарынан типтит, / Түгнэри эргийдээх ...*, / *Ингэлээх тыяллаах, / Салбана көтөр саталаах, / Саккыры тохтор илбистээх / Содуомнаах соллон мэнэгэй иирбит, / Оботтоох уот чопчурбан дойду ...* [Ойунский, 2003, с. 420] (Поплыла под ним / Бессолнечная сторона, / С вращением в наоборот ... / С ненасытными ветрами, / Где всегда лютует зима, / Где гудит, бушует метель, / Где, облизываясь, летят огни, / Жадная сумрачная страна ... [Ойунский, 1975, с. 332]). Здесь представлены астрономический, цветовой, семический, климатический, метеорологический коды. Они реализуются в виде совокупности развернутых художественных характеристик, выраженных противопоставлениями «вращение в одну сторону / вращение в другую сторону», «солнечное / бессолнечное» и т. д. Можно предположить, что речь идет о художественно-образном воплощении элементов физической структуры Солнечной системы как одной из первых попыток научного осмысления окружающей реальности, при котором «способ изображения выступает способом его понимания» [Лосев, 1991, с. 63], при этом в тексте мифа находят выражение также эстетические и этические ценности.

Не менее интересно описание характеристик Нижнего мира злых сил абаасы: *Силлиэ түспүт, / Холорук ытыллыбыт, / Хомуһун туойбут ...*, / *Барбатах балык мишин курдук / Бадыа-бидиэ, / Барык-сарык халлааннаах, / Кэлэбэй киһи кэлэбэйдээн / Кэлтэрэнни турарын курдук / Кэлтэгэй кэрис бараан ыйдаах, / Тардыас киһи тардыалатан / Дьаллайбыт дьабалдьытын курдук / Эмтэркэй эбир күн элэмэлээх, / Кырынаас кыыл сытын курдук / Былаах сыт ыспаланан тахсыбыт ...* [Ойунский, 2003, с. 143]

(Туманом окутанная страна, / Призраки реяли там, / Чары веяли там, / Будто ветер зловеще выл, / Там небо — черный каменный свод, / Ущербный месяц на нем / Корчится как немой, / Который силится заговорить / И не может ни слова сказать. / Рябое щербатое солнце там / Судорожно искривилось, как рот / Глухонемого, который мычит, / А не может заговорить. / Оттуда стоны неслись, / Оттуда зловонье ползло ...' [Ойунский, 1975, с. 332]). Добавим, что в олонхо часто указывается характер движения объекта, отраженный в его названии — *Нэрилиир Нэс түөртүгэн* «медлительная преисподняя» [Избекова, 2014, с. 23]. В тексте фиксируются семический, природно-климатический, метеорологический, астрономический, звуковой, одорический, цветовой коды, дополняющие и углубляющие общий контекст и в совокупности кодов создающие образ полного антипода Среднего мира с семантическими маркерами отрицательного пространства. Космологическая кодировка проступает и в эпической формуле, характеризующей пространство при перемещении героя-богатыря в Нижний мир: *Орто дойдуну унуордаан / Үөһээ көрдөххө — халлаан, / Аллара көрдөххө — халлаан, / Куйаар дойдуну курдаттаата ...* [Ядрихинский, 2011, с. 174] (Мир срединный проезжал: / Вверх взглянуть — небо, / Вниз взглянуть — небо, / Мир бескрайний пролетал ... [Там же, с. 175]).

Представление о неразрывной связи трех миров олонхо подтверждает вышеобозначенное замечание А. И. Гоголева. Тексты олонхо описывают состояние Вселенной, когда разгорается схватка между богатырями Айыы и абаасы: *Алдьархайдаах аллараа дойдуну / Атыйахтаах уу курдук аймаатылар, Орто туруу дойду / Оройдуун доргуйан / Ортотунан куталдьыйда, / Тобус добул манган халлаан / Тордуйалаах уу курдук долгуйда, / Кэйбэлдьыйбэт кэтит үтүгэн / Кизэб-киэлитэ хамнаата ...* [Ойунский, 2003, с. 152] (Бедственный Нижний мир расплескался ... / Словно вода в посуде берестяной, / Средний солнечный мир заколебался / Толщей своей, / Небесный девятирусный свод / Зыбью пошел, как вода в большом / Деревянном ковше, / Незыблемые опоры земли — / Устои подземных глубин / Пошатнулись на основаниях ... [Ойунский, 1975, с. 116]) — закодированное сообщение, которое можно интерпретировать как художественное восприятие и толкование природных (гравитационных) явлений. Подчеркнем, что ранее якутскими исследователями был выдвинут тезис о наличии собственного пространства-времени всех трех миров олонхо [Гоголев и др., 2012, с. 16].

4. Коды в пространственном перемещении персонажа

В олонхо семантическая компонента движения создается с помощью использования устойчивых эпических формул. Так, поход богатыря (бо-

гатырей) из родной страны к чужим странам обычно охарактеризован следующей формулой: *Өр да айаннаабыттарын / Билбэтилэр, / Өтөр да айаннаабыттарын / Билбэтилэр, / Кыһыны кырыатынан билэн. / Сааһы чалбаһынан билэн, / Сайыны самырынан билэн, / Күһүнү өксүнүнэн билэн ...* [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 217] (*Ехали-двигались / То скорой рысью, то наметом, / Замечая зиму по снежной пороше, / Узнавая весну по лужам, / Узнавая лето по дождям, / Чувствуя осень по снежной крупе* [Там же, с. 479]). Здесь присутствуют фенологический и метеорологический коды. К ним традиционно примыкает ландшафтный код: *Бу айаннантан истэхтэринэ — / Хангас диэки кырыларынан / Таас хайалар үөпчүчүөпчү түсүһэн бардылар. / Бу таас хайалар / Баранар уһуктарыгар Аһыс салаалаах / Арыы нангар хатын үүнэн / Айгыраан турар эбит* [Там же, с. 217] (*Когда ехали так, / Слева от них / Показались, громоздясь тут и там. / Черные каменные горы. / Там, где кончаются эти каменные горы, / На самом краю, / Растет-красуется, оказывается, / Одинокая раскидистая восьмиствольная береза* [Там же, с. 479]); присоединяется и числовой код. В пути разворачивается пространство, а в пространстве выявляется эпическое время [Бахтин, 1975]. Так, цикл смены зимы, весны, лета, осени указывает на истечение одного года путешествия.

Встречаются в текстах олонхо и формулы с акцентированием категории скорости передвижения. Рассмотрим фрагмент, описывающий перемещение богатырки *Джырыбына Джырылыатта*: *Кулгаабын тыаһа / Арылыас кус / Кынатын тыаһын курдук / Куугунаан барда, / Сырайа-хараба / Сытыы чыпчакхайынан / Быһыта курбуулана истэ...* [Ядрихинский, 2011, с. 174] (*В ушах, будто утки-гоголь / От крыльев летящих / Шумело-гудело, / В лицо-глаза / Будто плетью / Ветром сильным хлестало...*) [Там же, с. 175]. Здесь быстрота движения выявляется при помощи звукового и тактильного кодов, манифестирующих развитие большой скорости.

Эффективное кодирование категории скорости находим и в развернутом описании границы схождения неба и земли: *Сир ийэ хотун, / Тэнийэ-тэлгэнэ сатаан баран, / Тонус киһи туутун курдук / Өрө чоноруйан тахсыаба; / Кингкиниир киэн халлаан / Арабас маңаас атыыр сылгы тириштин / Тиэрэ дардан тонгорбут курдук / Таннары сааллан намылыйан түһэн, / Сир халлаан — сир иһит түгэһин курдук / Ыһса түһэн — аллаах ат / Балтатын тыаһын курдук / Хаахыр-куукур аалсытыгар тиийиэн* [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 20] (*Там мать-земля, / Вширь беспредельно раскинувшись, / Прогибается и поднимается вверх, / Подобно концам тунгусских лыж; / Там высокое гулкое небо / Краями свисает вниз, / Как вывернутая наружу / Мороженная шкура светло-рыжего беломордого жеребца; / Там земля*

и небо, сходясь краями. / Как днище большого кумысного жбана, / Трутся друг о друга / С резким звуком, подобным / Скрежету коренных зубов ретивого коня [Там же, с. 297]). В приведенном примере наблюдается сочетание пяти кодов: геометрического, цветового, астрономического, зоонимического, звукового. Выше было упомянуто, что три мира олонхо совершают круговые движения вокруг собственных осей, при которых эпическое пространство структурирует мифологический образ Мирового дерева. Звуковой код указывает на представления об отличающихся скоростях вращения земли и неба, в силу чего они «трутся друг о друга с резким звуком». Представления о сторонах света могут быть выражены элементами цветового кода — в данном случае через обозначение конской масти (см.: [Габышева, 2009, с. 33]). Астрономический код оформляется посредством бинарных оппозиций «верх / низ», «небо / земля», «небесное / земное». Интересен язык геометрической формы — линии, точки, фигуры; в приведенном отрывке этот код реализован через образы «прогибание вверх земли» и «свисание вниз бахромой куполообразного неба», из которых последний подразумевает наличие высшей точки. Ярким примером реализации геометрического кода может служить отрывок из олонхо «Девушка-богатырка Джырыбына Джырылыатта»: *Тойон Дьөллүүт ..., / Түгнэри-таннары халарыктаан / Урут өртө үмүрүк, / Алын өртө нэбиһэх / Хара дьабын аартыгынан / Лунгкүр-ланкыр, бас-атах / Аллараа диэки курулаан, / Дьөлө дьуобуран түһэн хаалла ...* [Ядрихинский, 2011, с. 126] (Вдруг у богатыря Тойон Дёллют / В ушах подобно шуму крыльев / Утки-гоголь засвистело, / Все вмиг завертелось, / Под ногами перевернулось, / Кверху узкий / Книзу широкий / В черный проход смердящий / Мира нижнего-дюбян / Он вниз головой полетел ... [Там же, с. 129]). В описании наблюдается сочетание звукового и геометрического кодов. Геометрическая модель мира олонхо рассмотрена в одной из наших предшествующих публикаций [Сатанар и др., 2018, с. 471—481].

Попадая в Нижний мир, эпический герой оказывается в пространстве, имеющем другие, негативные характеристики: *Буспатах мунду миинин курдук / Бутугас-итигэс, / Барбатах балык миинин курдук / Бадья-бидиэ, / Өбүрүмэр орус саба / Үлэнниш сүүрбүт үөннээх, / Хоронноспут хомурдуостаах, / Кыйманны сүүрбүт / Кымырдабастаах дойду ...* [Каратаев, 1996, с. 226] (Мглистый, туманный край, / Подобный недоваренной ухе, / Сумрачная, мутная страна, / Подобная ненаваристой ухе, / Где величиной с быка / Гады вприпрыжку носятся, / Жуки вприпрыжку бегают, / Муравьи кишмя кишат ... [Там же, с. 227]). В рассматриваемом примере реализуется природно-климатический код, оформленный оппозициями «сияющая

страна / мутная страна», «Средний мир / Нижний мир» и т. д., с примыканием пищевого кода, где «рыбья уха» считается традиционным «кулинарным» знаком Нижнего мира [Семенова, 2006, с. 82]. Внимание привлекают семантика и символика насекомых, которые также упоминаются в текстах олонхо только по отношению к пространству Нижнего мира и относятся к одному из многочисленных вариантов его неблагоприятных характеристик. Но, пожалуй, сложной символикой обладает именно размер этих насекомых; в подобных случаях гипотетически можно обратиться к концепции физического релятивизма, на что ученые уже обращали внимание: «В. Г. Богоразу принадлежит содержательный анализ пространственно-временных представлений палеоазиатов, своеобразных перемещений и трансформаций, характерных для мифологической фантастики (он видел здесь даже известную параллель к принципу физического релятивизма)» [Мелетинский, 1976, с. 125].

5. Заключение

Богатый язык якутского эпоса олонхо служит благодатной почвой для семиотических исследований. Тексты древнего олонхо изобилуют всевозможными переплетениями символических кодов, которые представляют собой знаковую реализацию глубинных пластов докодовых значений, именуемых архетипами человеческого сознания. При этом важным представляется то, что все сферы — природа, социум, культура — пронизаны влиянием космологического [Топоров, 2010, с. 390]. Поэтому в постнеклассическом толковании мира принято считать, что научные теории и законы неизбежно коррелируют с мифологическими представлениями. Исследование кодовых наборов, организующих пространственно-временной континуум якутского олонхо, с учетом возможности присутствия в текстах элементов космологических представлений показало, что в лексической системе олонхо обнаруживаются и переплетаются признаки мифологического мышления и научные знания в «свернутом» виде. В изучении сложной и многомерной мифологической системы олонхо предложенный системный подход перспективен с точки зрения выдвижения гипотез, которые доказали бы общность типологии разных культурных традиций — мифологических и научных воззрений.

Источники

1. *Каратаев В. О.* Якутский героический эпос «Могучий Эр Соботох» / В. О. Каратаев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. Т. 10. — 440 с.

2. *Ойунский-Слепцов П. А.* Нюргун Боотур Стремительный : якут. героич. эпос олонхо / П. А. Ойунский-Слепцов. — Якутск : Книжное издательство, 1975. — 431 с.
3. *Ойуунускай П. А.* Дьулдуруйар Ньургун Боотур : олонхо = Нюргун Боотур Стремительный : олонхо (на якут. языке) / ИГиИПМНС СО РАН ; подготовка к печати П. Н. Дмитриева, С. П. Ойунской ; редактор В. Н. Иванов. — Дьокуускай : Сахаполиграфиздат, 2003. — 544 с.
4. *Тимофеев-Теплоухов И. Г.* Строптивный Кулун Куллустуур : олонхо / И. Г. Тимофеев-Теплоухов. — Москва : Главная редакция восточной литературы, 1985. — 608 с.
5. *Ядрихинский П. П.* Девушка-богатырь Джьырыбына Джьырылыатта. Олонхо / П. П. Ядрихинский-Бэдьээлэ ; запись со слов олонхосута П. Н. Дмитриев-Туутук. — Якутск : Сайдам, 2011. — 448 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика / Составитель, общий редактор и вступительная статья Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 424—461.
2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
3. *Бурькин А. А.* Мифологические экспозиции эпических сказаний эвенков и эвенов и их роль для изучения тунгусской космогонической мифологии и для характеристики этнических и локальных традиций / А. А. Бурькин // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. — 2017. — № 2 (06). — С. 17—26.
4. *Габышева Л. Л.* Фольклорный текст : семиотические механизмы устной памяти / Л. Л. Габышева. — Новосибирск : Наука, 2009. — 143 с.
5. *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени : исторические исследования поэтики / В. М. Гацак ; отв. ред. А. В. Кудияров ; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1989. — 254 с.
6. *Гоголев А. И.* Истоки мифологии и традиционный календарь якутов / А. И. Гоголев. — Якутск : Издательство Якутского университета, 2002. — 104 с.
7. *Гоголев А. И.* Мифологический мир якутов : божества и духи-покровители / А. И. Гоголев. — Якутск : Издательство ЦКиИ имени А. Е. Кулаковского, 1994. — 29 с.
8. *Гоголев А. И.* Якутское олонхо в контексте мифологии и эпической поэзии народов Евразии / А. И. Гоголев, А. А. Бурцев ; ГУ «Академия наук РС(Я)». — Якутск : Сфера, 2012. — 75 с.
9. *Данилова В. С.* Философские исследования текстов олонхо : монография / В. С. Данилова, Н. Н. Кожевников. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2019. — 176 с.
10. *Иванов В. В.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 1965. — 246 с.
11. *Иванов В. В.* Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Типологические исследования по фольклору. — Москва : Наука, 1975. — С. 44—77.
12. *Избекова Е. И.* Числительные в олонхо : структура и семантика : монография / Е. И. Избекова. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. — 152 с.

13. Колодезников С. К. Категории традиционной культуры якутов : пространство, время, движение / С. К. Колодезников // Духовная культура в жизни этноса : сборник научных статей. — Якутск : ЯНЦ СО АН СССР, 1991. — С. 5—27.
14. Королев К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. М. Королев. — Москва : Эксмо, 2005. — 608 с.
15. Леви-Стросс К. Мифологики. Человек голый / К. Леви-Стросс. — Москва : Флюид Фрифлай, 2010. — 192 с.
16. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Философия. Мифология. Культура. — Москва : Политиздат, 1991. — 528 с.
17. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман ; главный редактор Т. Д. Кузовкина. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 544 с.
18. Максименко Л. А. Мифология современной науки / Л. А. Максименко // Омский научный вестник. — 2010. — № 6 (92). — С. 70—74.
19. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука. 1976. — 407 с. — (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).
20. Михалевская А. С. Миф и наука : проблемы взаимодействия в современном обществе : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.01 / А. С. Михалевская. — Иваново, 2015. — 26 с.
21. Надель-Червиньска М. Структура Вселенной (метаязыковые аспекты) и мифологические истоки современной науки / М. Надель-Червиньска // Лингвокультурология. — 2009. — № 3. — С. 170—195.
22. Попова А. С. Логико-гносеологический анализ космологического содержания олонхо : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.01 / А. С. Попова. — Якутск, 1996. — 14 с.
23. Пропн В. Я. Поэтика фольклора : Собрание трудов / В. Я. Пропн. — Москва : Лабиринт, 1998. — 352 с.
24. Сатанар М. Т. Модель мира саха : семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса) / М. Т. Сатанар, В. В. Илларионов // Российский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7, № 6. — С. 471—481.
25. Сатанар М. Т. К вопросу семантической интерпретации эпической формулы *ус саха, туорт саха* / М. Т. Сатанар // Вестник КИГИ РАН. — 2019. — № 1. — С. 134—148.
26. Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо : пространственная организация и сюжетики / Л. Н. Семенова. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. — 232 с.
27. Топоров В. Н. Мировое дерево : Универсальные знаковые комплексы / В. Н. Топоров. Т. 2. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. — 496 с.
28. Тычкин П. Б. Когнитивный потенциал мифа в контексте современной научной картины мира (к критике структуралистской концепции Р. Барта) / П. Б. Тычкин // Известия Томского политехнического университета. — 2012. — № 6. — С. 94—99.
29. Успенский Б. А. К символике времени у славян : «чистые» и «нечистые» дни недели / Б. А. Успенский // *Finitis duodecim lustris* : сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. — Таллин : [б. и.], 1982. — С. 70—75.
30. Чанышев А. Н. Эгейская предфилософия : монография / А. Н. Чанышев. — Москва : Издательство МГУ, 1970. — 240 с.

EXPLICATION OF SOME CODES OF THE YAKUT EPOS OLONKHO MYTHOLOGICAL SYSTEM (FOLKLORE TIME AND SPACE)

© **Marianna T. Satanar (2020)**, orcid.org/0000-0002-3546-7343, researcher, Sector “Information system “Olonkho”, Research Institute of Olonkho, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia), satanar68@mail.ru.

The relevance of the study is due, on the one hand, to the insufficient knowledge of the semiotics of the Yakut epos olonkho, and on the other, the need to implement a new paradigm of modern science, which involves the convergence of scientific knowledge. It is noted that the fundamental categories in the worldview are the modes of space and time, which in total lead to another mode of being — a chronotope. The subject of this article is the codes of cosmological mythology in the texts of the epic olonkho from the perspective of a peculiar spatio-temporal organization of the epic world of olonkho. The purpose of the study is to decode the elements of mythology, as a result of which “compressed” messages about scientific knowledge that indicate the existence of a single source of typology of culture are found. Particular attention is paid to the variety of codes, the rules for their emergence, taking into account the national characteristics of language and thinking. A systematic approach to the subject of study, structural-semiotic analysis, methods of review and description are used in the study. The novelty of the study is in an attempt to partially solve the problem of the disunity of two types of cultures (folklore and fundamental laws of nature) in the context of a general typology of culture. This study indicates the prospects for further consideration and definition of the elements of a peculiar symbolic-semiotic system of space-time organization in the texts of the Yakut epos olonkho.

Key words: olonkho; the code; opposition; epic time; epic space; Upper world; Middle world; Lower world; semantics.

MATERIAL RESOURCES

- Karatayev, V. O. (1996). Yakutskiy geroicheskiy epos «Moguchiy Er Soʻotokh». In: *Pamyatniki folkloru narodov Sibiri i Dalnego Vostoka, 10*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatelskaya firma RAN. (In Yakut.; In Russ.).
- Oyunskiy-Sleptsov, P. A. (1975). *Nyurgun Bootur Stremitelnyy: yakut. geroich. epos olonkho*. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo. (In Yakut.; In Russ.).
- Oyuunuskay, P. A. (2003). *Duluruyar Nurgun Bootur: olonkho = Nyurgun Bootur Stremitelnyy: olonkho (na yakut. yazyke)*. Dokuuskay: Sakhapoligrafizdat. (In Yakut.).
- Timofeyev-Teploukhov, I. G. (1985). *Stroptivyy Kulun Kullustuur: olonkho*. Moskva: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Yakut.; In Russ.).
- Yadrikhinskiy, P. P. (2011). *Devushka-bogatyr' Dzhirybyna Dzhirylyatta. Olonkho (zapis' so slov olonkhosuta P. N. Dmitriyeva-Tuutuk)*. Yakutsk: Saydam. (In Yakut.; In Russ.).

REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike. In: *Voprosy literatury i estetiki*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 234—407. (In Russ.).
- Bart, R. (1989). Tekstovoy analiz odnoy novelly Edgara Po. In: *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika*. Moskva: Progress. 424—461. (In Russ.).

- Burykin, A. A. (2017). Mifologicheskiye ekspozitsii epicheskikh skazaniy evenkov i evenov i ikh rol' dlya izucheniya tungusskoy kosmogonicheskoy mifologii i dlya kharakteristiki etnicheskikh i lokalnykh traditsiy. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedeniye*, 2 (06): 17—26. (In Russ.).
- Chanyshchev, A. N. (1970). *Egeyskaya predfilosofiya: monografiya*. Moskva: Izdatelstvo MGU. (In Russ.).
- Danilova, V. S., Kozhevnikov, N. N. (2019). *Filosofskiy analiz tekstv olonkho: monografiya*. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. (In Russ.).
- Gabyshcheva, L. L. (2009). *Folklornyy tekst: semioticheskiye mekhanizmy ustnoy pamyati*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Gatsak, V. M. (1989). *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni: istoricheskiye issledovaniya poetiki*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (1994). *Mifologicheskiy mir yakutov: bozhestva i dukhi-pokroviteli*. Yakutsk: Izdatelstvo TsKil imeni A. E. Kulakovskogo. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (2002). *Istoki mifologii i traditsionnyy kalendar 'yakutov*. Yakutsk: Izdatelstvo Yakutskogo universiteta. (In Russ.).
- Gogolev, A. I., Burtsev, A. A. (2012). *Yakutskoye olonkho v kontekste mifologii i epicheskoy poezii narodov Evrazii. GU «Akademiya nauk RS(Ya)»*. Yakutsk: Sfera. (In Russ.).
- Ivanov, V. V., Toporov, V. N. (1965). *Slavyanskiye yazykovyye modeliruyushchiye semioticheskiye sistemy (Drevniy period)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ivanov, V. V., Toporov, V. N. (1975). Invariant i transformatsii v mifologicheskikh i folklornykh tekstakh. In: *Tipologicheskiye issledovaniya po folkloru*. Moskva: Nauka. 44—77. (In Russ.).
- Izbekova, E. I. (2014). *Chislitelnyye v olonkho: struktura i semantika: monografiya*. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. (In Russ.).
- Kolodeznikov, S. K. (1991). Kategorii traditsionnoy kultury yakutov: prostranstvo, vremya, dvizheniye. In: *Dukhovnaya kultura v zhizni etnosa: sbornik nauchnykh statey*. Yakutsk: YaNTs SO AN SSSR. 5—27. (In Russ.).
- Korolev, K. M. (2005). *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Levi-Stross, K. (2010). *Mifologiki. Chelovek gohyy*. Moskva: Flyuid Friflay. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1991). *Dialektika mifa. Filosofiya. Mifologiya. Kultura*. Moskva: Politizdat. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Maksimenko, L. A. (2010). Mifologika sovremennoy nauki. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 6 (92): 70—74. (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (1976). *Poetika mifa*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Mikhalevskaya, A. S. (2015). *Mif i nauka: problemy vzaimodeystviya v sovremennom obshchestve: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filosofskikh nauk*. Ivanovo. (In Russ.).
- Nadel'-Chervinska, M. (2009). Struktura Vselennoy (metazykovyye aspekty) i mifologicheskiye istoki sovremennoy nauki. *Lingvokulturologiya*, 3: 170—195. (In Russ.).
- Popova, A. S. (1996). *Logiko-gnoseologicheskiy analiz kosmologicheskogo sodержaniya olonkho: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filosofskikh nauk*. Yakutsk. (In Russ.).

- Propp, V. Ya. (1998). *Poetika folklora: Sobraniye trudov*. Moskva: Labirint. (In Russ.).
- Satanar, M. T. (2019). K voprosu semanticheskoy interpretatsii epicheskoy formuly ys sakha, tyert sakha. *Vestnik KIGI RAN, 1*: 134—148. (In Russ.).
- Satanar, M. T., Illarionov, V. V. (2018). Model' mira sakha: semantika v rakurse geometrii form (na materiale yakutskogo eposa). *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal, 7 (6)*: 471—481. (In Russ.).
- Semenova, L. N. (2006). *Epicheskiy mir olonkho: prostranstvennaya organizatsiya i syuzhetika*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2010). *Mirovoye derevo: Universalnyye znakovyye komplekсы, 2*. Moskva: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi. (In Russ.).
- Tychkin, P. B. (2012). Kognitivnyy potentsial mifa v kontekste sovremennoy nauchnoy kartiny mira (k kritike strukturalistkoy kontseptsii R. Barta). *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 6*: 94—99. (In Russ.).
- Uspenskiy, B. A. (1982). K simbolike vremeni u slavyan: «chistyye» i «nechistyye» dni nedeli. In: *Finitis duodecim lustris: sbornik statey k 60-letiyu prof. Yu. M. Lotmana*. Tallin: [b. i.]. 70—75.